

Юрий РОСТ:

Для меня фотография - это СМЕРТЬ МОМЕНТА

Вспышка - и Юрий Рост в зеркале.

280 фоторабот
знаменитого
репортера
выставлены
в Центральном Доме
художника.

А начинал Рост
в «Комсомолке»...

Комс. правда - 1999 - 16 дек. с. 25

На концерте джазового музыканта Алексея Козлова в ЦДХ услышала в публике: «На выставке Роста были? Он снимает картинку, а потом делает к ним гениальные подписи».

Выставка Роста - по соседству, в этом же Центральном Доме художника, этажом выше.

Гениальные подписи Рост делает потому, что у него есть перо плюс душевный и духовный опыт. Он не имеет специального художественного или философского образования. Но думает как художник и как философ. Он вгрызается в своих снимках и своих текстах внутрь человеческой породы.

Однажды сказала ему:

- Мы с тобой обслуживающий персонал. Ведь журналисты обслуживают читателя. Как ты, журналист, так устроился, что сам стал объектом внимания журналистов?

Я нарочно так сказала. Чтоб обострить.

Ответил неожиданно:

- Я не обслуживаю. Я служу. С радостью служу высокому.

Привыкнув к иронии, была не готова к пафосу. Пафос - его! - понравился.

Еще он добавил:

- Я не прилагаю никаких усилий. Я живу ленно. Жду, когда мимо проплывет.

Когда проплывет - встает, берет камеру, блокнот, одну из трубок,

надевает ватник (он всегда носит ватник) и исполняет акт работы, как акт любви, - с полной отдачей.

Про любовь я тоже спросила:

- Ты любишь людей?

- Каких? - не сдался он сразу.

- Тех, кого ты снимаешь.

- Этих люблю. Тех, кто в толпе, не люблю.

Снимает он тем не менее не только отдельных людей. И не только известных. Тех, кого называют обыкновенными, - с не меньшей любовью. Отдельно и группами. В его группах все индивидуальности.

Он говорит, что негативы лучше, чем записные книжки: там образы сохраняются.

Сказал, что не любит спорить. Спор - попытка самоутверждения, а ему это не нужно.

Поговорили немного о внутренней жизни, о постоянном диалоге с самим собой, который не прекращается. Он сказал, что отпускает только в самолете:

- Я люблю сесть в самолет, взлететь и... ждаль курицу...

Я поинтересовалась, не бывает ли ему сегодня, когда кругом столько профессиональной пакости, стыдно, что он журналист.

- Никогда не стыдно, - спокойно ответил он. - Я не отвечаю ни за журналистику, ни за время. Я отвечаю только за себя.

- Почему ты не снимаешь дома, архитектуру, а только людей? - спросила я.

- Архитектура не умрет. При моей жизни. А люди уйдут.

Он был в Карабахе, Грузии, Таджикистане, когда там пылало. Снимал жизнь и смерть. Иногда смотришь на какой-то его снимок - и перехватывает горло. От любви к сущему и запечатленному.

В конце мы немного поспорили. Он сказал, что для него фотография - смерть момента. Я сказала: это вечная жизнь момента. Он сказал: вечной жизни не бывает...

Но я написала о нем эти несколько слов для вечной жизни.

Ольга КУЧКИНА.
Фото Юрия РОСТА.

Андрей Сахаров с женой Еленой Боннэр.

Белла Ахмадулина.

Почему он снимает
людей?
Потому что
люди уходят...

Народный артист Грузии Георгий Харабадзе. Однажды ретушер «КП» пририсовал ему ботинки. Так и напечатали...

Девочка с бубликами.

Иногда смотришь
на его снимок -
и перехватывает горло.
От любви
к запечатленному